



Научная статья

УДК 39,502.4

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-78-91>

Эвенки и Баргузинский заповедник: история взаимоотношений в контексте современных тенденций развития ООПТ

Анна Анатольевна Сирина

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия,
annas@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-9807>

Аннотация. Создание Баргузинского соболиного заповедника в 1916 году связано с переселением тунгусов (эвенков) шемагирского рода. Этот факт включает Баргузинский заповедник в общемировую историю создания охраняемых природных территорий на землях переселенных народов. На основе архивных и литературных материалов изучены особенности переселенной группы и контексты двойного переселения, связанные с созданием Баргузинского заповедника и с государственной политикой укрупнения населенных пунктов. В статье дана характеристика тунгусов шемагирского рода северо-восточного Прибайкалья на фоне патерналистско-либеральной социально-экономической политики XIX – начала XX в. Экспедиция Г. Г. Дюппельмайера 1914–1915 гг. предваряла организацию Баргузинского соболиного заповедника. В статье рассматривается социально-экономический аспект результатов её работы, отмечается прогрессивный для своего времени подход к организации заповедника. Вторичное переселение эвенков произошло в 1956 г. в рамках государственной политики укрупнения населенных пунктов, однако этот народ не утратил памяти и духовной связи с землей. Сотрудник заповедника С. К. Устинов одним из первых стал использовать традиционные экологические знания эвенков в своей научной работе. С 1980–1990-х гг. в России принята общемировая модель национальных парков с разными режимами природопользования. Баргузинский заповедник входит в ФГБУ «Заповедное Подлесье» (2012). Туристам доступно ограниченное посещение его территории и значительной части национального парка. Сегодня малонарушенная человеком природа становится в России коммерческим ресурсом, поэтому проблема соблюдения прав коренного и местного населения на охраняемых природных территориях и использование их традиционных экологических знаний приобретает новое звучание.

Ключевые слова: охрана природы, особо охраняемые природные территории, Баргузинский заповедник, тунгусы, эвенки, традиционные экологические знания, экспедиция Г. Г. Дюппельмайера, двойное переселение, С. К. Устинов, коммодификация природы

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 18-18-00309) по договору ГПХ в МАЭ РАН (0,5 статьи) и Госзаданию в ИЭА РАН (0,5 статьи).

Для цитирования: Сирина А. А. Эвенки и Баргузинский заповедник: история взаимоотношений в контексте современных тенденций развития ООПТ // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 78–91. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-78-91>.

Ethnology

Original article

Evenki and Barguzin natural reserve: history of relations in the context of modern trends in the development of Specially Protected Natural Areas

Anna A. Sirina

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
annas@iea.ras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-9807>

© Сирина А. А., 2021

Abstract. The creation of the Barguzinsky sable reserve in 1916 caused the resettlement of the Tungus (Evenks) of the Shemagir clan. This fact includes the Barguzinsky Reserve in the global history of the creation of protected natural areas in the late 19th - early 20th centuries on the lands of resettled peoples. The author set herself the goal of studying the context of this resettlement on the basis of archival and literary materials in order to highlight the peculiarities of the historical relationship of the Evenks with the Barguzinsky Reserve and draw some parallels with today's times. The article describes the characteristics of the Tungus of the Shemagir genus of the Northeastern Baikal region. Their area of residence was exceptionally rich in renewable and non-renewable natural resources. In relation to the Tungus, the state pursued a paternalistic policy, while simultaneously creating conditions for the development of market relations. The article draws attention to the socio-economic aspect of the results of the expedition of G. Doppelmeier in 1914–1915, which developed practical recommendations on the organization of the Barguzinsky sable reserve. In fact, it was supposed to allocate several special territories: the reserve itself, the hunting area and the Tunguska territory, which meant a progressive vision of the reserve management for its time. Further, the article examines some aspects of the relationship of the Severobaikalnye Evenks with the reserve and the authorities at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. The secondary resettlement of the Evenks took place in 1956 within the framework of the state policy of consolidation of settlements, but the Evenks did not lose their memory and spiritual connection with the land. The secondary resettlement of the Evenks took place in 1956 within the framework of the state policy of consolidation of settlements, but the Evenks did not lose their memory and spiritual connection with the land. Since the 1980s and 1990s, Russia has adopted a global model of national parks with different environmental management regimes, while maintaining the models of the Soviet era. The Barguzinsky Reserve, together with the Zabaikalsky National Park (1986) and the state Frolikhinsky Reserve, is managed by the Federal State Budgetary Institution “Zapovednoe Podlemorye”. Tourists have access to a limited visit to the reserve and a significant part of the national park. Thus, today nature itself is becoming a commercial resource in Russia, and the old problem of the relationship of the indigenous and local population with protected natural areas is acquiring a new meaning.

Keywords: Protection of Nature, specially protected natural areas, Barguzinsky reserve, Tungus, Evenki, traditional ecological knowledge, expedition of Doppelmeier, double resettlement, S. K. Ustinov, commodification of nature

Acknowledgements: the study was supported by the Russian Science Foundation (project № 18-18-00309) under the agreement of the GPH in the MAE RAS (0,5 articles) and the State Assignment to the IEA RAS (0,5 articles).

For citation: Sirina A. A. (2021) Evenki and Barguzin natural reserve: history of relations in the context of modern trends in the development of Specially Protected Natural Areas. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 78-91. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-78-91>.

Введение

Сегодня в России к особо охраняемым природным территориям (далее – ООПТ) относятся государственные природные заповедники, в т. ч. биосферные, национальные, природные парки, государственные заказники, памятники природы, дендрологические парки и ботанические сады¹.

Первый заповедник в России – Баргузинский – был создан в 1916 году для воспроизводства популяции почти исчезнувшего в результате перепромысла баргузинского соболя. В СССР в условиях государственной собственности на землю основной формой охраны природы были заповедники. Первые национальные парки в СССР

организованы в конце советского периода. Их создание активизировалось с переходом российского государства на капиталистическую модель развития и интеграцией в мировую экономику. Создание национальных парков началось в США в конце XIX в., имея в виду цели охраны природы и развития коммерческого туризма (Poirier, Ostergern, 2002). Особенно этот процесс ускорился в новейшее время, что связано с быстро развивающимися и востребованными в мире отраслями экономики – туризмом, экотуризмом и этнотуризмом. ООПТ в России становятся более открытыми для посещения с образовательно-познавательными и рекреационными целями. Вместе с тем из-за возросшей антропогенной нагрузки возникает угроза для состояния охраняемой природы и социумов, живущих в границах или по соседству с ООПТ, весьма нередки конфликтные ситуации (Мядзелец, Лужкова, 2013; Чиждова, 2016; Осипов, 2019).

¹ Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» был принят в 1995 г. (в дальнейшем в него неоднократно вносились изменения и дополнения). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6072/ / (дата обращения 07.09.2021).

Сам процесс создания ООПТ неоднозначен. И для американской, и для российской моделей природоохранной политики конца XIX – начала XX в. было характерно переселение, в т. ч. насильственное, коренных жителей с охраняемых территорий (Poirier, Ostergern, 2002). Несмотря на то, что в мире идет процесс признания роли коренных народов и местного населения, их традиционного образа жизни в охране природы², их законодательных прав, насильственное переселение при создании национальных парков практикуется до сих пор. Интересы местных жителей по-прежнему недостаточно учитываются в федеральных программах по развитию ООПТ в России, при этом «близлежащие муниципалитеты не финансируются и продолжают оставаться в прежнем состоянии на фоне видимого благополучия прилегающей ООПТ» (Мядзелец, Лужкова, 2013. С. 117).

В обширной литературе о Баргузинском заповеднике, его флоре и фауне, природоохранном, просветительском и туристическом видах деятельности практически нет информации об эвенках – сегодня они на территории заповедника не проживают. Однако, как будет сказано далее, они не утратили память и духовную связь со своей бывшей территорией. Цель статьи состоит в том, чтобы показать историю локальной группы эвенков северного Прибайкалья в историческом контексте и в контексте современных тенденций развития ООПТ³.

² Benji Jones. Indigenous people are the world's biggest conservationists, but they rarely get credit for it. Accessed: <https://www.vox.com/22518592/indigenous-people-protect-nature-icca> (дата обращения 29.08.2021).

³ Эвенки (устар. – тунгусы) сегодня проживают в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. До революции их относили к категории бродячих и кочевых инородцев. Сегодня они относятся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Общая численность эвенков в России, согласно Переписи 2010 г., составляет 37843 чел., в т. ч. в Республике Бурятия – 2974 чел. Из них в Северобайкальском районе в 2006 г. жили 739 эвенков (Сирина, 2012. С. 64, 85).

Шемагирские тунгусы до создания Баргузинского заповедника

В конце XIX в. в Баргузинском округе Баргузинского уезда Забайкальской области в 1897 г. проживало 25 467 чел., в т. ч. 10 310 русских, 11 510 бурят, 2 118 тунгусов трех родов: чильчагирского, киндигирского и шемагирского⁴, 1 196 евреев (Патканов, 1912. С. 550). В сословном отношении население состояло из мещан, крестьян и инородцев. Этнические и культурные различия проявлялись в разных экономических практиках и духовных связях с территорией, что способствовало неистощительному природопользованию.

Подлеморо-шемагирское родовое управление включало в себя тунгусов шемагирского рода, а также някугиров и киндигиров. Все они были причислены к бродячим инородцам, хотя часть жила оседло (Долгих, 1960. С. 283, 308; Шубин, 2007). Среди «бродячих» тунгусов этого рода преобладали фамилии Черных и Цивилев, а среди оседлых – Семушевы и Колмаковы (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 50. Оп. 1. Д. 20. Л. 9). В воспоминаниях старшего поколения шемагирского рода сохранилось предание о борьбе их шамана с киндигирским, в результате которой шемагирский шаман был побежден и численность рода стала уменьшаться (ПМА, 2005⁵, сравни: Левин, 1936). Шемагирский род был малочисленным: 65 чел. в 1897 г. (Патканов, 1912. С. 596), 49 чел. в 1908 г., 63 чел. в 1912 г.⁶ (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Д. 20). Численность рода постоянно варьировала, но не превышала 80 чел. взрослого населения.

Шемагирские тунгусы добывали средства к существованию охотой: круглогодичной – на крупнокопытных животных, весенней – на нерпу, осенне-зимней – на соболя и другого пушного зверя, осенней – на тарбаганов. Занимались и

⁴ В 1822 г. по Уставу «Об управлении инородцев» в Баргузинском ведомстве были учреждены Баргузинская Тунгусская инородная управа, Баунтовское, Верхнеангарско-Чильчагирское, Нижнеангарско-Киндигирское, Подлеморско-Шемагирское и Кучитское родовые управления.

⁵ ПМА (Полевые материалы автора). Северобайкальский район, Республика Бурятия, 2005.

⁶ Указана численность взрослого населения.

рыболовством. По архивным документам начала XX в., взрослых охотников-промышленников числилось 16 чел. Немногочисленных домашних оленей использовали как транспортное средство. В 1908 г. членами рода было добыто: бочонков омулей – 43, нерп 185 шт., хайрюзов 135 пуд., соболей 134, белки 1805, тарбаганов 193, лис 3, медведей 11. У них имелось 78 оленей, несколько лошадей (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 5, 7).

Центр Шемагирского родового управления находился в п. Сосновка. Там же была выстроена православная часовня во имя Св. Николая Мирликийского Чудотворца. В архиве сохранилась опись церковного имущества, находящегося в часовне⁷. По архивным документам интерьер часовни сложился из пожертвований как тунгусов, так и рыбопромышленников (купец Патюков, П. Ф. Сверлов). Все шемагирские тунгусы к началу XX в. числились православными христианами, при этом среди них еще в конце 1920-х годов были шаманы.

История Подлеморо-Шемагирского (Шемагирского) рода второй половины – конца XIX в. представляет собой яркий пример того, как «административный род» стал субъектом рыночных правоотношений (Сирина, Давыдов, 2017). Территории северо-восточного Прибайкалья, занятые бродячими тунгусами, были исключительно богаты возобновляемыми (соболь, белка, омуль) и невозобновляемыми (золото) природными ресурсами. Власти создали благоприятные условия для развития рыночной экономики через воз-

можность аренды части этих территорий у тунгусов с целью организации рыболовного промысла и добычи баргузинского соболя, мех которого считается особо ценным из-за темного окраса, шелковистости, густоты. Это открыло доступ к ним купцам и крестьянам. Из 2 273 чел., проживавших в уездном городе Баргузин, 33 % населения составляли ссыльные евреи и их потомки, из которых формировалось более 88 % купеческого сословия города (Цыдыпова, 2014. С. 136). Торговый капитал (аренда земель, организация пушного промысла на арендованных землях через наем промышленников, скупка пушнины) был представлен М. П. Рейнбаумом, П. Купером, И. Д. и А. Новомейскими, Б. Сиротиним, А. и В. М. Рабиновичами, В. Лозовским (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 53). Крупными рыбопромышленниками и скупщиками соболя были русские купцы, жившие в Иркутске и Листвянке. Тунгусские родовые управления получали взамен стабильный доход, часть которого откладывалась на специальный счет в Государственном банке, а часть шла на оплату функционирования местной власти и повседневные потребности (имелся специальный бесплатный магазин-склад товаров) (Доппельмаир, 1926; Неупокоев, 1928; Сирина, Давыдов, 2017).

Сдача рек в аренду для соболиного и/или рыболовного промыслов сроком на год происходила на торгах. Список сдаваемых рек утверждался на суглане (общем собрании) тунгусов. Арендаторы сдавали реки в субаренду так называемым «половинщикам», что обеспечивало доступ к ресурсам большему числу желающих, давало прибыль, хотя и неравноценную, участникам экономических отношений. Если арендаторами были в основном купцы, то половинщиками могли стать русские крестьяне (в основном из Читкинской волости и Низовского сельского общества), буряты, оседлые инородцы (ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 51. Л. 8). В 1909 г. в аренду одиннадцати лицам были сданы 18 соболиных рек. Тунгусы имели право по своему усмотрению сдать оставшиеся в их пользовании речки определенному числу охотников. Состав сдаваемых рек менялся; при этом оговаривалось количество охотников, допускаемых в ту или иную реку (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 61). В 1909 г. за аренду рек было

⁷ Это икона Св. Николая, написанная на холсте по заказу на средства тунгусов; икона Св. Мученика царя Александра на полотне; икона Спасителя в киоте и медной ризе под стеклом 8 в. (пожертвована Патюковым); икона Св. Великомученика и Победоносца Георгия в киоте под стеклом с малиновыми цветами и красными; икона Господа Саваофа в киоте под стеклом суздальской работы бумажная; священническое облачение полное парчовое; священническое облачение (риза новая) с серебряными цветами по малиновому фону (приобретена на средства тунгусов), стихарь парчовый с крестом и красного цвета (прислан из Братской Успенской церкви); одежда на аналой (покрывало, воздух 2), купель медная, лампада медная (пожертвованы Сверловым), подсвечники, купленные на средства тунгусов, водосвятная чаша посеребренная, кропило (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 16. Л. 11).

получено 11 536 руб., в 1910 г. – 7220 руб. (ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 19. Л. 56 об.).

Наряду с аукционной торговлей «соболиными речками» до начала XX в. практиковалась отдача рек местным крестьянам по фиксированным ценам («билетам»). В 1908 г. Шемагирское родовое управление через крестьянского и инородческого начальника сдавало 20 речек, из которых в 6 речек были допущены без торгов для охоты 48 крестьян с платой с каждого по 12 руб. 50 коп. Доход управления составил 600 руб. Одновременно 14 речек были отданы с торгов за 4518 руб. 50 коп. Отдача рек по фиксированным ценам несколько ограничивали систему аукционной торговли реками. Государство стремилось учесть интересы каждой социальной группы, однако внутренние противоречия такой политики в условиях развития капиталистических отношений приводили к победе рыночной экономики и максимальному использованию особо ценных на тот момент природных ресурсов региона – баргузинского соболя и омуля (Сирина, Давыдов, 2017).

Экспедиция Г. Г. Доппельмайера 1914–1915 гг.

Сокращение добычи ценных видов пушных зверей, в первую очередь соболя, заметили местные власти и купцы, торговавшие пушниной на Ирбитской ярмарке. В 1910 г. они провели совещание, целью которого было привлечь внимание правительства к состоянию дел с добычей пушнины: потребовать ограничить сроки добычи и ввести полный двухгодичный запрет на добычу соболя (Старцев, 2015. С. 154). 9 июня 1912 г. был принят Закон «Об установлении ограничительных по охоте на соболя мер», согласно которому с 01.02.1913 по 15.02.1916 гг. был введен полный запрет на добычу соболя. Государство было вынуждено жестко ограничить существовавшие несколько десятков лет рыночные отношения на севере Байкала. Еще раньше, с 1908 г., из-за перемылова омуля были введены ограничения на сетевой лов, а с 1916 г. – пятилетний запрет на вылов (Цивилев, 1993. С. 17).

Баргузинская экспедиция, более известная как экспедиция Г. Г. Доппельмайера, была проведена в 1914–1915 гг. по заказу Министерства земледелия России с целью наметить границы

Баргузинского соболиного заповедника. Экспедиция изначально имела практический характер и была уникальной в своем роде (Гусев, 1986). В ее состав вошли, кроме руководителя, молодые охотоведы, биологи К. А. Забелин, З. Ф. Сватош, А. Д. Батурич, Д. Н. Александров. 1 июля 1914 г. сотрудники экспедиции морем прибыли в поселок Сосновка, расположенный на северо-восточном берегу Байкала вблизи устья р. Кудалды, и обосновались в здании Тунгусского родового управления, а в тунгусском зимовье устроили лабораторию (Доппельмайер, 1926). Местные жители внесли свой вклад, работая в качестве проводников экспедиции. Проводники, обладающие глубокими знаниями климата, ландшафта, флоры и фауны Прибайкалья, владеющие русским языком, несомненно, были для приезжих важным источником уникальной информации, что ставило их в нерядовое положение (Давыдов, 2013). Экспедиция нанимала оленей у тунгусов и лошадей у бурят для совершения маршрутов по территории будущего заповедника. Подготовительные работы начались летом 1914 г. и продолжались около трех месяцев. Топографическое и естественно-историческое изучение территории предполагалось провести в 1915 г., а зимой 1914–1915 гг. Забелин, Сватош, Батурич стали промышленниками, чтобы изучить поведение и расселение соболя и особенности охоты на него (Доппельмайер, 1926). Забелин в феврале и марте 1915 г. провел статистико-экономическое обследование тунгусов Подлеморско-Шемагирского рода и крестьянских селений долины р. Баргузин и побережья Байкала (при помощи А. Д. Батурина). Биологи изучали роль охоты в жизни местного населения с целью прогнозирования последствий от создания заповедника. Летом 1915 г. продолжилось топографическое и биологическое изучение территории.

Результаты работ экспедиции были опубликованы только в 1926 г. Книга-отчет об экспедиции на сегодняшний день является первоисточником о состоянии природы и охотничьего промысла в северо-восточном Прибайкалье в начале XX в. Это образец комплексного трансдисциплинарного исследования с использованием методики полевого включенного наблюдения, работы в

архивах. Коллектив авторов представил краткий исторический очерк работ Баргузинской экспедиции и организации заповедника; общий физико-географический очерк северо-восточного побережья Байкала, описание северо-восточного побережья Байкала по конкретным рекам, с выделением северного, южного и среднего районов; характеристику соболя и соболинного промысла; характеристику иных видов охотничьего промысла; характеристику населения Баргузинского уезда в его отношении к соболиному промыслу.

Баргузинский заповедник

Закон «Об установлении правил об охотничьих заповедниках», принятый в 1916 г., утверждал правила образования заповедников на землях единственного владения казны, для сбережения и размножения охотничьих и промысловых зверей и птиц» (Доппельмайер, 1926). 29 декабря 1916 г. в Баргузинском уезде Забайкальской области, на северо-восточном побережье озера Байкал, был создан Баргузинский соболинный заповедник. Его первоначальная площадь составила 2 000 кв. верст: южная граница проходила по течению р. Большой Чивыркуй, западная – по берегу оз. Байкал от устья р. Большой Чивыркуй к северу до мыса Зырянского, северная – от мыса Зырянского и водораздельной линии Баргузинского горного хребта по гребню водораздела между реками Таркулик, Бирикан и далее по хребту водораздела Таркулик и Давши; восточная – по водораздельной линии Баргузинского горного хребта (Доппельмайер, 1926).

Одновременно к северу от заповедника был выделен казенный охотничий (эксплуатационный) участок площадью около 4,5 тыс. кв. верст, в который вошли бассейны рек Езевки, Кабаньей, Яксакана, Бирикана, Урбыкана, Ирингды, Шангнанды, Амнундакан, где местному населению было разрешено охотиться на соболя. В 1937 г. охотничий участок вошел в состав заповедника.

В пользование тунгусов (эвенков) была отведена территория, ограниченная бассейнами рек Томпуда, Амнундакан и Ширильды. Несмотря на вводимые ограничения, первоначальная модель заповедника с «буферными зонами» была уни-

кальной, представляя собой как бы сеть природоохранных территорий с возможностью охотничьей эксплуатации прилегающих территорий, и эвенки не были полностью исключены из нее⁸.

Территория Баргузинского заповедника на протяжении всего XX в. расширялась, хотя свою основную функцию по восстановлению популяции баргузинского соболя заповедник выполнил. Если экспедиция Доппельмайера по р. Большой Черемшане подсчитала в 1915 г. 10 соболей, в 1943 г. там же было зафиксировано 79 соболей (ГАРБ. Ф. р-562. Оп. 1. Д. 207. Л. 74–76 об.). В 1968 г. решением Совета Министров Бурятской АССР была создана охранная зона Баргузинского заповедника по р. Кабанья Северо-Байкальского аймака (района) площадью 90 тыс. га. Здесь устанавливалась охрана и планомерное освоение охотугодий (ГАРБ. Ф. 248. Оп. 20. Д. 1981. Л. 15–16). Общая территория заповедника в 1968 г. составила 247 176 га. В 1989 г. в нее вошел Биосферный полигон площадью 111 146 га, выделенный в 1987 г. из территории Уоянского промхоза Северо-Байкальского района.

В заповеднике был установлен строгий режим охраны: посещать территорию заповедника и эксплуатационного участка, а также проживать на них посторонним лицам без разрешения управления заповедником запрещалось (ГАРБ. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 10. Л. 98–99). Впрочем, нарушения всегда были. Некоторые представители местного населения, ранее бравшие речки в аренду или субаренду, охотились на территории заповедника на свой страх и риск, попадая в категорию браконьеров. В 1928–1929 гг. охрану заповедника с конца октября до начала мая несли 12 егерей из положенных по штату 17-ти. Из задержанных 8 браконьеров (и еще двое успели скрыться), шестеро были хабарджанские тунгусы, один бурят и один русский (ГАРБ. Ф. р-562. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2 об.). Режим посещения заповедника был несколько смягчен в военные годы. Хотя по-

⁸ С 2001 по 2011 гг. территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока входили в состав ООПТ РФ, что означало косвенное признание природосберегающего характера природопользования на территории традиционного природопользования (ТТП).

сторонним лицам запрещалось находиться на территории заповедника, рыбакам и нерповщикам было разрешено во время промысла на Байкале выходить на берег заповедника и находиться на его территории не далее 50 м от береговой полосы (ГАРБ. Ф. 248. Оп. 14. Д. 80. Л. 28).

Затраты на содержание заповедника и его центральной усадьбы – посёлка Давша – несло государство. В 1950-х годах в Давше проживало около 120 человек – работников заповедника, осуществлявших охрану, проводивших научные исследования, обеспечивавших жизнедеятельность поселка. Фактически это было новое привилегированное сообщество, заместившее ранее кочевавших по подлёморской тайге эвенков. Заповедник имел аэропорт с диспетчерской службой, самолёт, теплоход, электростанцию, трактора и автомашины (завозили 200 тонн дизтоплива на год). В посёлке работали магазин, пекарня, школа, медпункт, библиотека, клуб, почта. Для отопления посёлка ежегодно заготавливали 800 кубометров дров. Было разрешено пасти скот, косить сено, рыбачить, собирать дикоросы, а также охотиться по специальным лицензиям. В конце 1980-х годов на содержание инфраструктуры Баргузинский заповедник затрачивал около 80 % государственного финансирования (Янкус, 2006). Однако новые социально-экономические реалии заставили Госкомэкологию РФ в начале 2000-х годов принять решение о перемещении управленческой структуры заповедника с его территории в районный центр Нижнеангарск. При этом предусматривалось постепенное снижение численности населения центральной усадьбы с последующей её ликвидацией (Янкус, 2006). Происходили системные изменения в организации ООПТ. «Объединённая дирекция Баргузинского заповедника и Забайкальского национального парка» или ФГБУ «Заповедное Подлёморье» была создана в 2011 г. Под его руководством оказались Баргузинский заповедник (создан в 1916 г.), Забайкальский национальный парк (создан в 1986 г.) и государственный Фролихинский заказник (создан в 1976 г.). Баргузинский природный биосферный заповедник имени Константина Алексеевича Забелина (1885–1934), одного из участников экспедиции Доппельмайера, рас-

положен на западных склонах центральной части Баргузинского хребта, от побережья оз. Байкал (456 м над уровнем моря) до главного гребня Баргузинского хребта (2652 м над уровнем моря). Площадь его – 366 868 га, в том числе биосферный полигон – 111 146 га и 3-х километровая полоса акватории озера Байкал, прилегающая к заповедному побережью, площадью 15 053 га (Баргузинский государственный...)⁹. Заповедник открыт для ограниченного посещения, туристов сопровождают его сотрудники. В 2012–2015 гг. в среднем около 950 чел. ежегодно посещали заповедник с периодом пребывания два дня. Туристы могли посетить три участка заповедника, в т. ч. место бывшего центра родовой управы тунгусов шемагирского рода – поселка Сосновка (Чижова, 2016).

Эвенки после первого переселения

В связи с созданием заповедника эвенки были переселены из п. Сосновка в п. Томпу, примерно на 100 км севернее по берегу Байкала. Власти компенсировали им суммы за здания родовой управы и склад товаров. Вместо родовой управы был создан Томпинский родовой (туземный) совет, председателем которого с 1919 по 1929 гг. был эвенк Дмитрий Федорович Колмаков. Был создан также эвенкийский колхоз *Омокто Инуунди* («Новая жизнь») (Давыдов, 2008. С. 151, 152). По данным сотрудника Комитета Севера БАССР В. Неупокоева, посетившего эти места, в 1925 г. насчитывалось 27 семей эвенков, в которых было 110 чел. (включая детей и подростков). Они охотились и рыбачили, держали 200 оленей, 4 лошади, 2 головы крупного рогатого скота. Зимние стойбища шемагирских эвенков были расположены в вершине р. Томпа. Эвенки до 6 раз в год выходили на побережье Байкала, где в летнее время устраивали стоянки (Неупокоев, 1928).

Как пишет В. Неупокоев, с момента образования заповедника «золотое» время шемагир-

⁹ Баргузинский государственный природный биосферный заповедник им. К. А. Забелина. URL: <https://zapovednoe-podlemorye.ru/save/biosphere/> (дата обращения 05.09.2021).

ских тунгусов закончилось: «лишившись доходов от речек, отошедших в заповедник, при наличии все сокращающегося промысла шемагирцы превратились в нищих». Если до революции 1917 г. на счете тунгусов Шемагирской родовой управы в Госбанке было до 27 000 руб., то к 1926 г. тунгусы имели задолженность перед государством в 10 894 руб. (Неупокоев, 1928. С. 15). Начались проблемы со снабжением: «кооператив часто или совсем не имеет ничего нужного для тунгуса (кирпичного чая, свинца, табака, мануфактуры, коровьего и подсолнечного масла, риса и подобного). Или не имеет своевременно, то есть тогда, когда тунгусы совершают свои сезонные передвижения, оказываются в устьях рек без своего кооператива. Хорошо еще то, что эти несвоевременные доставки и просто отсутствие товара распространяются также на спирт и водку, так как при иной организации в условиях свободного отпуска тунгусам последнего товара это могло бы вылиться в настоящее бедствие», – отмечал профессор Б. А. Куфтин (Архив Музея антропологии и этнографии РАН (АМАЭ РАН). Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 60 об. – 61). Он вместе с аспирантами М. Г. Левиным и Я. Я. Рогинским летом 1927 г. проводил этнографические и антропологические исследования на северном Байкале (Давыдов, Сирина, 2017). Ученые зафиксировали у шемагирских эвенков факты почитания священных скал, их духов-хозяев, приношения хозяину горячего ключа, духу хозяину-охоты. Из п. Дагары выехали в Томпу на весельной лодке, остановились у горячего ключа Хакусы, где находилось летнее стойбище Ичедонова. Куфтин записал о пройденном ранее мысе: «узнали, что мыс этот считается священным и пользуется особым почтением у тунгусов. Наш Федор (проводник? – А. С.) сознался, что он боялся даже смотреть на этот мыс, когда его фотографировали. Очень большой хозяин живет там. Ему тунгусы во время пути издали плескают вино и кидают табак. Зовут скалу «Нгалокит» – страшный» (АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 53–53 об.). Ученый заметил в дупле над источником Хакусы «несколько кусков сахара, чай и папиросы, положенные здесь в качестве приношения хозяину этого ключа. На ветвях висели лоскутки материи. Записал от Алексея Антонова, соседа

Ичедонова, как совершается осенняя личная жертва хозяину леса перед охотой. Для того вырезаются особые столбы с изображением лиц и ставятся в тайге. Такие изображения от прошлой жертвы сохранились близ его зимовья» (АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 53 об.–54). Ученые остановились в здании кооператива в устье р. Томпы. Стойбище бывшего шуленги (старосты) Александра Черных и его семьи располагалось на другом берегу реки Томпы, напротив кооператива. Между своими летними стойбищами эвенки передвигались на лодках вдоль берега Байкала (АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 57–57 об.; Левин, 1936). Природа северо-восточного Прибайкалья и особенности тунгусской культуры произвели на ученых большое впечатление: «Несмотря на пасмурный день, прогулка по Томпе, по живописным извилам реки, с совершенно черной и поразительно в то время прозрачной водой, широким потоком плывущей на уровне низких лесных берегов, казалась приятной. Уже к закату солнца пристали к месту, где находился «лученгар» и в нескольких десятках саженей от воды увидели необычный около пол аршина толщиной кедр с вырубленным на нем лицом и столик, на который клались жертвы. В Томпу вернулись уже в полной темноте (АМАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51. Л. 61 об. – 62).

Традиционные экологические знания коренных народов: С. К. Устинов и его отношения с эвенками

Все, кто занимался в Сибири охотничьим промыслом, уважали эвенков за их знание тайги. Тесные отношения установились по этому поводу между русскими и эвенками на Нижней Тунгуске. Молодые выпускники-охотоведы в 1980-е годы учились у эвенков практическому знанию тайги и адаптировали его в свою культуру (ПМА, 1987)¹⁰. Традиционные экологические знания (ТЭЗ) коренных народов и, в частности эвенков, стали предметом внимания ученых-антропологов, биологов, экологов относительно недавно. А. Лавриллье и С. Габышев пришли к важным выводам на основе длительного включенного наблюдения

¹⁰ ПМА. Катангский район, Иркутская область. 1987.

за жизнью эвенков южной Якутии и Амурской области: «Стало очевидно, что эти знания представляют собой не только набор практических «пакетов знаний», но и реальную теоретическую систему, содержащую множество гипотез и прогнозов». И далее: «Однако, в отличие от академических наук, ТЭЗ являются в высшей степени системными, холистическими (целостными). Их интересует не только один-единственный элемент природы; скорее он сосредоточен на множестве взаимодействий между многочисленными элементами природной среды» (Lavrillier, Gabyshev, 2017). Особую важность приобретают знания и наблюдения коренных и местных народов в ситуации изменения климата, появления новых или исчезавших и вернувшихся биологических видов (например, бакланов) (Жители Баргузинского района встревожены // Эколого-географическая газета «Исток». 2020. № 2 (165). С. 6.).

Семен Климович Устинов (1933–2017) – биолог, эколог, с 1956 г. работал в Баргузинском заповеднике научным сотрудником. Он родился в Забайкалье в семье староверов. В своих научно-популярных книгах Устинов нередко упоминает эвенков шемагирского и других родов, которых он встречал во время своих научных командировок в тайге Подлеморья. Сначала это было незапланированное, спонтанное общение. Позже оно переросло с некоторыми из эвенков в многолетнюю дружбу, основанную на взаимной симпатии; любви, а также интересе к природе и ее «нечеловеческим существам». Могу свидетельствовать, что имя Устинова в 2000-е годы было известно среди северобайкальских эвенков старшего и среднего поколения.

Сегодня привлечь коренных жителей к управлению заповедниками стремятся в Канаде, Австралии, других странах. Баргузинский заповедник уже в середине XX в. имел небольшой опыт привлечения местных эвенков к работе. В 1950-х годах наблюдателем (т. е. в охране заповедника) работали эвенки Шемагирского рода Н. М. Черных и Филипп Черных. Однако в 1954 г. Филипп Черных был задержан как браконьер, уволен и выселен с территории заповедника (Устинов, 2008. С. 158). Вероятно, сотрудники за-

поведника разных лет имеют свои истории, свой опыт общения с эвенками. В разговоре со мной в 2005 г. один из сотрудников упомянул эвенков, которые помогали тушить таежный пожар на границе заповедника, высоко отзываясь об их выносливости и готовности прийти на помощь (ПМА, 2005)¹¹.

Видимые свидетельства прежней кочевой жизни эвенков на территории, ставшей заповедной, еще долго напоминали работникам заповедника об их присутствии. Из рассказов Устинова можно узнать, что сотрудники заповедника в 1950-е годы использовали старые эвенкийские сооружения-помосты на солонцах для научных наблюдений. Он так описал это сооружение: «Помост – нечто похожее на квадратное корыто со стороною около двух метров, без крыши, огороженное со всех сторон досками шириною сантиметров 15. На помосте-лабазе надо было лежать. Юрты и лабаз выглядели крайне примитивно. Поставлены они были эвенком Черных для добычи лосей» (Устинов, 2008. С. 158). Он же нашел старые эвенкийские могилы возле устья реки Дугульдзёр: «Там был похоронен человек невысокого роста, сохранился только погрызенный череп. Должно быть этот эвенк был оставлен (похоронен) по обычаю своего народа. Скелет лежал на том месте, где теперь стоит гостиница заповедника. Мою находку директор отправил иркутскому археологу Хороших» (Устинов, 2008. С. 168).

Ученый встречал в баргузинской заповедной тайге остатки чумов, построенных эвенками еще до создания заповедника. Один из них – на реке Езовке, недалеко от природного солонца. Еще один, упавший чум, которому, по оценке Устинова, не менее ста лет, – «след ушедших эвенков Шемагирского рода, бывших хозяев Подлеморья», Устинов обнаружил в верховьях Кермы. Чумы стояли на пути охотничьих переходов из водосбора Кермы в верховье Езовки на расстоянии около 15 км друг друга. Устинов сделал вывод о том, что чумы маркировали протяженность дневных переходов (Устинов, 2011).

¹¹ ПМА. Северобайкальский район, Республика Бурятия. 2005.

Семен Устинов не раз упоминает эвенка Алексея Черных, который после переселения эвенков из Томпы жил в деревне Горемыка (Байкальское) на западном берегу Байкала напротив р. Томпуды: «Искренность, доверие, глубокое знание Алексеем жизни разного зверья тайги сдружили нас, и <...> мы переписывались более десяти лет». Алексей не любил жить в избе: «<...> ни восходов-закатов, ни звезд, ни Байкала не видно». Говорил: «Хочешь увидеть зверя – ходи по тайге одиночкой, и шаги твои не должен слышать даже ты сам» (Устинов, 2008. С. 170). Устинов встречался с Алексеем Черных в конце 1950-х годов на границе заповедника, где Алексей вместе с товарищами рыбачил и нерповал с весны до осени. Он рассказал, как найти большой природный солонец в долине Томпуды, на который часто приходят изюбри: «Он столь точно рассказал, что я нашел солонец без труда» (Устинов, 2008. С. 173). Ученый обращался к нему за разъяснениями поведения диких животных – росомахи, изюбря и др. (Устинов, 2008. С. 80, 134). Полученную информацию проверял во время своих экспедиций, и всегда она подтверждалась. Как рассказывал Устинову Черных: «...росомаха зверь хитрый, она в одиночку изюбря добыть может. Хитростью. Выследит оленя и сначала вдали мирно помаячит, походит туда-сюда, ей надо, чтобы зверь ее увидел. Вот он ее заметил, убежал. Она вскоре опять мирно бродит неподалеку «по своим делам». Так продолжается несколько суток. Росомаха все ближе и ближе гуляет мирно, много мочится, кал оставляет, чтобы запах был. Ей и дела нет до изюбря. Да и он и сам почти уже не обращает внимания на безопасного соседа. И наконец, прыжок – и хищник на спине беспечной жертвы, шею ей перехватить – минутное дело» (Устинов, 2008. С. 81–82).

Или другой диалог с Черных:

«– Алексей! – говорю я. – Мне надо понаблюдать изюбря, чем он сейчас питается?

– Дак шавыктой, иди выше по берегу Томпуды, да гляди по полянкам, они ее сейчас прямо косою косят. Только иди очень тихо, не стукни где по корням.

– Шавыкта – это чё?

– Да вон она – видишь, травка по берегу.

Алексей указывал на низенькую осочку, она плотными клинышками росла по сырым местам у реки. Алексей дал мне свою оморочку (берестяную лодку – А. С.): «поплавай по Оманте, изюбря запросто увидишь» (Устинов, 2008. С. 134–135).

От шемагирских эвенков Устинов узнал название бабочек ручейника, – *липачан*, которое он активно использует в своем рассказе, тем самым как бы признавая первенство эвенков в освоении и знании территории. Эвенки устраивали засады на медведя, выходявшего полакомиться *липачаном* на берег Байкала (Устинов, 2008. С. 132).

Эвенк Николай Черных сделал для Устинова *оревун* из кедра – трубу для подражания голосу изюбря во время гона, для приманивания зверя: «Кедровая труба пела отлично. Самый близкий ко мне бык откликнулся на нее сразу, не дав и допеть» (Устинов, 2008. С. 188).

Таким образом, на примере С. К. Устинова можно утверждать, что на неформальном уровне взаимодействие между сотрудниками заповедника и эвенками поддерживалось и было дополнительным и порой очень важным источником новых научных знаний.

Вместо заключения

Вторичное переселение шемагирских тунгусов из Томпы произошло в конце 1950-х годов, в ходе Всесоюзной компании по укрупнению сельских населенных пунктов. В Томпу можно было попасть только по воде летом и по льду озера зимой; весной, в пору таяния льда и осенью, во время штормов на Байкале, связь с поселком обрывалась. Кроме того, местные власти опасались возможного подъема уровня Байкала из-за строительства Иркутской ГЭС на Ангаре (Сирина, Давыдов, 2017). Это переселение способствовало разрушению прежнего уклада жизни эвенков, т. к. произошло их отчуждение от территории, частично вошедшей в состав заповедника, расплытие по разным населенным пунктам – п. Нижнеангарск, с. Байкальское, п. Холодное и др. И все же даже второе вынужденное переселение не уничтожило у людей память о родовых местах.

«С пустой понягою¹² по берегу Байкала
Блуждает призрак в поисках потомков,
Как будто не было, а может быть, пропало,
Исчезло племя в вековых потемках.

Прапрадед мой в глухой тайге камлает,
Зовет к себе заблудших и ушедших...
Он у костра столетья коротает,
Когда-то ярких, но, увы, отцветших.

<...>

Но я лишь об одном не сожалею –
Мы здесь. Не уходили никуда».

(Кондаков, 2013. С. 217).

В 1990-е гг. среди народов Севера возникла слабо выраженная тенденция на обратную миграцию из крупных населенных пунктов на прежние места жительства (Сирина, 2010). Память о Томпе, стремление физически присутствовать на своей родине и прародине не исчезла у потомков шемагирских эвенков. В. Н. Цивилев, с которым я беседовала в 2006 г., жил в с. Холодное, но каждое лето проводил у сына, работавшего на метеостанции, расположенной на месте п. Томпа¹³. Посещают места своих предков также и другие потомки шемагирцев из п. Холодное и с. Байкальское (ПМА, 2005–2009)¹⁴.

В моем полевом дневнике есть записи о том, что некая женщина из потомков шемагирского рода добилась оформления в «собственность» участка для традиционного природопользования на старых «родовых местах» недалеко от Томпы; ходили слухи, что позже она продала этот участок московским предпринимателям (ПМА, 2005)¹⁵. Возможно, этот нарратив был связан с опытом сотрудничества Баргузинского заповедника с эвенкийской родовой общиной «Возрождение», уголья которой граничили на севере с биосферным полигоном, и которым кратко поделился экс-

директор заповедника Янкус: «На основании договора эвенки участвовали в охране территории, удаленной от центральной усадьбы заповедника на сотню километров. В течение нескольких лет они обнаружили и помогли ликвидировать три лесных пожара грозового происхождения, участвовали в патрулировании побережья Байкала и в выполнении ряда других работ. Заповедник в свою очередь выделил им радиостанцию, мотолодку и мини электростанцию, предусмотрев и оплату труда» (Янкус, 2018). Информанты рассказывали о практике организации охоты и рыбалки для туристов или приезжих чиновников на территориях эвенкийских родовых общин (что напоминает существовавшую здесь более 100 лет назад сдачу угодий в аренду).

Экс-директор Баргузинского заповедника Янкус изнутри знает ситуацию, когда пишет: «Иногда заповедники и не побуждают к контакту местное население во избежание дополнительных хлопот, не отражаемых в планах, отчетах и финансовом обеспечении» (Янкус, 2018. С. 45). Но сама жизнь диктует необходимость взаимодействия с местным населением, хотя нередко оно носит формальный характер. Так, «летом 2017 г. заказник «Фролихинский» инициировал и организовал проведение на берегу Байкала эвенкийского праздника. Эвенки Северобайкалья родов Шемагиры, Чильчигиры, Киндигиры пообщались в культовой местности своих предков «Хакусы», посмотрели и послушали выступления эвенкийских художественных коллективов, получили информацию о “Заповедном Подлеморье”» (Янкус, 2018. С. 43). В качестве положительного примера взаимодействия Забайкальского национального парка с местным населением рассматривается эпизод борьбы госинспекторов ФГБУ «Заповедное Подлеморье» с браконьерами в акватории Чивыркуйского залива, где интересы парка совпали с интересами местных жителей из п. Курбулик, имеющих льготы на ведение рыболовства, но страдавших от пресса пришлых браконьеров (Янкус, 2018. С. 43–44).

Две модели природопользования в разное историческое время имели место в рассматриваемом регионе. Первая – рыночная, либеральная и при этом с патерналистской политикой в отно-

¹² Прообраз каркасного рюкзака, заспинная дощечка на лямках с веревками для переноски грузов.

¹³ Создана в период строительства Иркутской ГЭС на Ангаре в 1954 г. (Фурман, 2004. С. 128).

¹⁴ ПМА. Северобайкальский район, Республика Бурятия. 2005–2009.

¹⁵ ПМА. Северобайкальский район, Республика Бурятия. 2005.

шении тунгусов – практиковалась в конце XIX – начале XX в. Вторая – социалистическая, природоохранная, с патерналистской политикой в отношении природы и сообщества сотрудников заповедника – на протяжении всего советского периода. И третья, которую мы наблюдаем сейчас, представляет государственный и одновременно

рыночный проект, отчасти напоминающий модель конца XIX в. ООПТ открыты для экотуризма, в том числе для получения прибыли (Luzhkova, 2013). В условиях коммерциализации природы особую актуальность приобретает вопрос о соблюдении прав коренного и местного населения.

Список источников

Гусев О. К. Священный Байкал. Заповедные земли Байкала. М.: Агропромиздат, 1986. 184 с.

Давыдов В. Н. Власть проводника: каюры-эвенки и использование оленного транспорта на Северном Байкале // Ранние формы потестарных систем. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2013. С. 267–280.

Давыдов В. Н. Национальная эвенкийская деревня на северном Байкале: сопротивление доминирующему дискурсу // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 3. С. 146–163.

Давыдов В. Н., Сирина А. А. Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. и ее место в истории московской этнографической школы // Поле как жизнь. К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 39–49.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Москва: Наука, 1960. 662 с.

Доппельмайер Г. Г. Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала: материалы Баргузинской экспедиции 1914–1915 гг. Верхнеудинск; Л.: Госплан БМАССР, 1926. 272 с.

Кондаков В. П. Шаманий ягель. Красноярск: Гротеск, 2013. 300 с.

Левин М. Г. Эвенки Северного Прибайкалья // Советская этнография. 1936. № 2. С. 71–77.

Мядзелец А. В., Лужкова Н. М. Перспективы развития Байкальского заповедника для жителей поселка Танхой // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 111–122.

Неупокоев В. П. Тунгусы Бурятии. Верхнеудинск: Жизнь Бурятии, 1928. 22 с.

Осипов А. Ю., Ляhtээнмяки М., Илмолахти О., Карху Я. Коммодификация природы: национальный парк «Ладожские шхеры» // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 3. С. 113–131.

Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, ясаки и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.) // Записки РГО по

References

Gusev O. K. (1986) Sacred Baikal. Protected land of Baikal. Moscow: Agropromizdat. 184 p. (In Russ.).

Davydov V. N. (2013) The authority of the guide: Kayury-Evenki and use of reindeer transport in Northern Baikal. *Rannie formy potestarnykh sistem = Rannie formy sotsial'no-politicheskoi organizatsii*. St. Petersburg: MAE RAN. P. 267-280. (In Russ.).

Davydov V. N. (2008) National Evenk village on northern Baikal: resistance to the dominant discourse. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XI. No. 3. P. 146-163. (In Russ.).

Davydov V. N., Sirina A. A. (2017) Tungus expedition (1927-1928) and its place in the history of Moscow ethnographic school. *Pole kak zhizn'. K 60-letiyu Severnoi ekspeditsii IEA RAN = Field as a Life: to the 60th Northern expedition of the IEA RAS*. Moscow - St. Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 39-49. (In Russ.).

Dolgikh B. O. (1960) The clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century. Moscow: Nauka. 662 p. (In Russ.).

Doppel'maier G. G. (1926) Sable hunting in the north-east shore of lake Baikal. Materials of the Barguzin expedition of 1914-1915. Verkhneudinsk; Leningrad: Gosplan BMASSR. 272 p. (In Russ.).

Kondakov V. P. (2013) Shamanic moss yagel'. Krasnoyarsk: Grotesk. 300 p. (In Russ.).

Levin M. G. (1936) Evenks of the Northern Baikal region. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography*. No. 2. P. 71-77. (In Russ.).

Miadzelets A. V., Luzhkova N. M. (2013) Prospects for the development of the Baikal reserve for residents of the village of Tankhoi. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = The Briansk State University Herald*. No. 2. P. 111-122. (In Russ.).

Neupokoev V. P. (1928) Tungusy of Buriatia. Verkhneudinsk: Zhizn' Buriatii. 22 p. (In Russ.).

Osipov A. Yu., Lähteenmäki M., Ilmolahti O., Karhu J. (2019) The Commodification of Nature: a Case Study of the "Ladoga Skerries" National Park. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 28. No. 3. P. 113-131. (In Russ.).

Patkanov S. K. (1912) Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, yasak and clans of foreigners (based on data from a special development of materials from the 1897 census). *Zapiski RGO po otdeleniyu*

отделению статистики. СПб. : Тип. «Ш. Буссель», 1912. Т. XI. Вып. 3. 578 с.

Сирина А. А. От совхоза к родовой общине. Социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века М. : ИЭА РАН, 2010. 185 с.

Сирина А. А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М. : Восточная литература, 2012. 604 с.

Сирина А. А., Давыдов В. Н. «...Не имеющие ни хлебопашества, ни скотоводства, ни оленей, а только одну лишь речку эту»: патернализм и рыночная экономика в северо-восточном Прибайкалье // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 70–85.

Старцев А. В. Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152–156.

Устинов С. К. Визит к Берендею. Записки эколога. Иркутск : Сибирская книга, 2008. 288 с.

Устинов С. К. От чума к чуму // Сибирь. 2011. № 1. С. 153–156.

Фурман М. Ш. Метеостанция в Баргузинском заповеднике // Метеорология и гидрология. 2004. № 9. С. 127–128.

Цивилев Н. И. Историческое прошлое северобайкальских рыбных промыслов. Улан-Удэ : Священный Байкал, 1993. 19 с.

Цыдыпова Л. С. Социально-демографическая характеристика Баргузинской долины первой четверти XX в. на примере локальных сообществ с. Харамодун и г. Баргузин // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Науки о земле. 2014. Т. 9. С. 132–140.

Чижова В. П., Бухарова Е. В., Лозбенев Н. И., Лужкова Н. М., Разуваев А. Е. Ландшафтно-экологическое обоснование развития познавательного туризма в Баргузинском заповеднике // Географический вестник. Экология и природопользование. 2016. № 2 (37). С. 97–109. DOI: 10.17072/2079-7877-2016-2-97-109.

Шубин А. С. Эвенки. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. 360 с.

Янкус Г. А. Исторический опыт создания и работы Баргузинского заповедника // История и современность особо охраняемых природных территорий Байкальского региона: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию заповедного дела в России (Улан-Удэ, 4–8 сентября 2006 г.). Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2006. С. 74–79.

statistiki = Notes of the Russian Geographical Society on the Department of Statistics. St. Petersburg: Tip. "Sh. Bussel". Vol. XI. Iss. 3. 578 p. (In Russ.).

Sirina A. A. (2010) From sovkhos to clan community. Socio-economic transformations among the Northern peoples at the end of the 20th century. Moscow: IEA RAS. 185 p. (In Russ.).

Sirina A. A. (2012) Evenki and Eveny in the modern world: self-consciousness, nature use, and worldview. Moscow: Vostochnaya literatura. 604 p. (In Russ.).

Sirina A. A., Davydov V. N. (2017) "...Having neither Grain Farming nor Stock Breeding nor Reindeer but Only This One River": Paternalism and Market Economy in the North-East Baikal Area. *Etnograficheskoe Obozrenie = Ethnographic survey*. No. 1. P. 70-85. (In Russ.).

Startsev A. V. (2015) Government regulation of hunting in Russia in the 17th - early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. No. 400. P. 152-156. (In Russ.).

Ustinov S. K. (2008) Visit to Berendeiyu. Ecologist's notes. Irkutsk: Sibirskaya kniga. 288 p. (In Russ.).

Ustinov S. K. (2011) From chum to chum. *Sibir' = Siberia*. No. 1. P. 153-156. (In Russ.).

Furman M. Sh. (2004) Meteorological station in the Barguzinsky reserve. *Meteorologiya i gidrologiya = Meteorologiya i Gidrologiya*. No. 9. P. 127-128. (In Russ.).

Tsivilev N. I. (1993) Historical past of the Severobaikal fisheries. Ulan-Ude: Svyashchennyi Baikal. 19 p. (In Russ.).

Tsidipova L. S. (2014) Social Demographical Singularities of the Barguzine Valley after XIX - First Quarter XX Century for Example Kharamodun and Barguzine Communities. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Nauki o zemle = Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Earth sciences*. Vol. 9. P. 132-140. (In Russ.).

Chizhova V. P., Bukharova E. V., Lozbenev N. I., Luzhkova N. M., Razuvaev A. E. (2016) Landscape and ecological study of educational tourism development in the Barguzin nature reserve. *Geograficheskii Vestnik. Ekologiya i prirodopol'zovanie = Geographical Bulletin. Ecology and nature managemen*. No. 2 (37). P. 97-109. (In Russ.). DOI: 10.17072/2079-7877-2016-2-97-109.

Shubin A. S. (2007) Evenki. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 360 p. (In Russ.).

Yankus G. A. (2006) Historical experience of the formation and operation of the Barguzinsky nature reserve. *Istoriia i sovremennost' osobo okhraniyaemykh pripodnykh territorii Baikalskogo regiona: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu zapovedno dela v Rossii (Ulan-Ude, 4-8 September, 2006) = The history and modernity of specially protected natural areas of the Baikal region. Materials of the regional scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of the reserve management in Russia (Ulan-Ude, September 4-8, 2006)*. Ulan-Ude: BGSKhA. P. 74-79. (In Russ.).

Янкус Г. А. Оценка деятельности особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и их вклада в социально-экономическое развитие регионов на примере ООПТ, находящихся под управлением ФГБУ «Заповедное Полеморье» // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2018. № 5 (8). С. 37–56.

Lavrillier A., Gabyshev S. An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. 2017. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications. 467 p.

Luzhkova N. Ecotourism Development in the Nature Reserves of Lake Baikal // Sibirica. 2013. Vol. 12. No. 2. P. 48–61.

Poirier R., Ostergern D. Evicting people from nature: indigenous land rights and national parks in Australia, Russia and the United States. *Natural Resources Journal*. 2002. Vol. 42. P. 331–351.

Информация об авторе

А. А. Сирина – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 119991, г. Москва, Ленинский просп., 32-А, Россия.

Вклад автора

Сирина А. А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 30 ноября 2021 г.; принята к публикации 6 декабря 2021 г.

Yankus G. A. (2018) Assessment of the activities of specially protected natural areas (PAs) and their contribution to the socio-economic development of regions on the example of PAs managed by the Federal State Budgetary Institution “Zapovednoe Polemorye”. *Biosfernoe khozyaistvo: teoriya i praktika = Biosphere economy: theory and practice*. No. 5 (8). P. 37-56. (In Russ.).

Lavrillier A., Gabyshev S. (2017) An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions: Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel: Verlag der Kulturstiftung Sibirien SEC Publications. 467 p.

Luzhkova N. (2013) Ecotourism Development in the Nature Reserves of Lake Baikal // *Sibirica*. Vol. 12. No. 2. P. 48-61.

Poirier R., Ostergern D. (2002) Evicting people from nature: indigenous land rights and national parks in Australia, Russia and the United States. *Natural Resources Journal*. Vol. 42. P. 331-351.

Information about the author

A. A. Sirina – Dr. Sci. (History), Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, 32-A, Leninskii Avenue, Moscow 119991, Russia.

Contribution of the author

Sirina A. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 7, 2021; approved after reviewing November 30, 2021; accepted for publication December 6, 2021.